

УДК 81-114.2

DOI 10.52452/19931778_2023_2_239

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

© 2023 г.

С.Б. Козинец

Саратовский областной институт развития образования, Саратов

kozinec74@mail.ru

Поступила в редакцию 11.10.2022

Анализируется особый вид «языковых нарушений» – грамматические окказионализмы, которые широко используются в поэтической речи. Особо рассматриваются примеры редеривации (десубстантивации, деадвербиализации), форм степеней сравнения прилагательных и наречий. Выявляются лексико-семантические трансформации в производных единицах. Анализ материала показал, что общие смысловые сдвиги во многом обусловлены грамматической семантикой (различия в степени проявления качества в формах степеней сравнения) или изменением синтаксической функции (в кратких прилагательных), однако в целом каких-либо общих лексико-семантических закономерностей нет: масса окказионализмов несет на себе отпечаток индивидуальности автора.

Ключевые слова: поэтическая речь, грамматические окказионализмы, семантические трансформации.

Грамматические окказионализмы – это формы слов, образованные с нарушением языковых норм. В них, «с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма» [1]. Они как бы восполняют неполную парадигму слова, причем «словам с неполной парадигмой приходится преодолевать не только высокие смысловые барьеры, но и морфологические» [1].

В обычной, повседневной речи окказиональные формы воспринимаются как нарушение, речевая ошибка (конечно, если говорящий/пишущий не употребил окказиональную форму сознательно, в целях языковой игры). В поэтической речи подобные аномалии – это попытка расширения, раздвигания границ языка, который «часто является преградой между человеком и миром, мешает увидеть и назвать новое и необычное» [2, с. 513].

Количество типов грамматических окказионализмов ограничено, прежде всего, количеством форм, которые могут быть образованы от разных частей речи. Однако в реальности их гораздо меньше: они образуются только в рамках тех грамматических категорий, где «актуализация лексической семы, контекстуально обусловленной, “проклеивается” в грамматически неприемлемой и таким образом маркированной, отмеченной форме» [1]. Это прежде всего число существительного, краткие формы прилагательного, степени сравнения прилагательных и наречий, вид глагола: именно в этих грамматических категориях грамматическое значение – в той или иной степени – часто осложняется лексическим.

Кроме того, к грамматическим окказионализмам относятся случаи ретранспозиции, или обратной частеречной переходности (деадвербиализация, десубстантивация), механизм которой «заключается в специфической семантической переоценке морфемного материала узальных слов» [3, с. 264].

Рассмотрим различные случаи грамматических окказионализмов на примере русской поэзии второй половины XX – начала XXI в.: именно в этот период процесс постоянного обновления поэтического языка продолжался с разной степенью интенсивности и продолжается до сих пор.

Одна из разновидностей грамматических окказионализмов – **субстантивация неизменяемых** слов: наречий (деадвербиализация) и междометий. Наречия, субстантивируясь, меняют конечную гласную (которая становится окончанием) – в соответствии с грамматическими свойствами существительного: *исподлобье* ‘взгляд исподлобья’: *Как мускулы в ней высоко взведены, / когда первобытным следит исподлобьем / три тени родные, во тьму глубины / запущенные виражом бесподобным* (Б. Ахмадулина, Гостить у художника); *восвояси* ‘в другом месте’: *Радушен франт-фронтон. Осаниты колонны. / На сходбище теней смотрю из близкой тьмы. / Строения черты разумны и холены. / Конечно, не вполне – да **восвоясях** мы* (Б.Ахмадулина, Портрет, пейзаж и интерьер); *пополам* ‘половина’: *«У Труда с Капиталом контактов нету». / Тьфу-тьфу, мы выросли не в Исламе, / хватит трепаться о **пополаме**. / Есть влечение между полами. / Полюса созда-*

ют планету (И. Бродский, Речь о пролитом мо-локе). В подобных случаях адресат «сначала <...> “угадывает” в наречиях форму существительного, а потом употребляет его в иной падежной форме, расширяя тем самым парадигму этого существительного» [4, с. 119].

В приведённых примерах субстантивация практически не затрагивает лексическую семантику: производное и производящее выражают тождественные значения в разных синтаксических позициях. Однако иногда частеречная транспозиция сопровождается значительным семантическим сдвигом: *кукарека* ‘то же, что крикливый петух’: *Сосед-петух над клушей мельтешил. / А наш петух тоску свою глушил, / такое видя, в сильных кукареках. / Я сухо этой драмой пренебрёг, / включил приемник «Родина» и лёг* (И. Бродский, Освоение космоса) – здесь мы наблюдаем развитие нового значения на основе метонимического переноса (кукареку → птица (кукарека), издающая этот звук).

Более распространённое явление в окказиональном словообразовании – **десубстантивация имен существительных** адективного склонения (разновидность обратного словообразования – редеривации). «Редеривация, – пишет Н.Е. Петрова, – имеет ту особенность, что в качестве начального этапа акта словообразования предполагает определенное осмысление говорящим внутренней формы базового слова» [5, с. 337].

При десубстантивации слово приобретает морфологические и синтаксические свойства прилагательного (способность изменяться по родам, функция согласованного определения в предложении). Редеривация может проходить без изменения семантики слова; чаще всего результат деривации – относительное прилагательное «со значением ‘относящийся к тому/принадлежащий тому, что названо субстантиватом или квазисубстантиватом’» [4, с. 122]: *Чистый вздох стеклодуви из глуши гусь-хрустальной / задержался в игрушке модернистски кустарной. / Чтобы лет через тыщу реставратор дотошный / понял вечную душу современной художницы* (А. Вознесенский, Андрей Полисадов); *И выйдет с бородою драма, / или считай от двух бород, / которые, положим, сыну / и внукам дали на развод / свою идейную щетину, – / не драма, а островский лес* (О. Чухонцев, Однофамилец); *Один из них лежал в коляске детской, / когда я в этот старый дом въезжал, / в мою пещеру входит щеголь светский, / чтоб сделать из нее чайковский зал* (И. Фаликов, Их пальцы быстро бегают по клавише...); *Под жасминовым кустцом / тварь целуется с Творцом, / заячьей губою / трогает Его*

лицо больное: / пьяное, помятое, пионервожатое (Л. Горалик, А.В.); *Не на потребу публике, / как Достоевский бред, / лечу в остаток лет – / собой в куски разрубленный / автопортрет* (А. Вознесенский, Явления с начинкой).

Значение таких производных достаточно хорошо объясняется через производящее: **островский лес** («Лес» А.Н. Островского), **чайковский зал** (Концертный зал им. П.И. Чайковского), **пионервожатое лицо** (лицо как у пионервожатого), **достоевский бред** (бред как оценка творчества Ф.М. Достоевского), а словосочетания образуют своего рода синтаксические синонимы.

В некоторых словах процесс десубстантивации сопровождается значительными семантическими сдвигами. Новое значение развивается на основе различных ассоциаций, связанных с производящей основой. Так, прилагательное **лобачевский** имеет значение ‘проницательный’ (отсылка к выдающемуся учёному Н.И. Лобачевскому, основоположнику новой, «неевклидовой» геометрии): *Ни глаз, ни слез и над / лицом – ни звезд, ни ветра – / лишь снегопад до пят, / и ангелы парят, / как лобачевский взгляд / Николы-геометра* (Ю. Казарин, Захлопнута изба). Переосмысление слова **луначарский** ‘освещающий’ – результат языковой игры, основанной на метонимическом переносе: А.В. Луначарский был, как известно наркомом **просвещения** (здесь обыгрывается прямое значение корневой морфемы): *Вас на руках нести готов / Отсюда до Камчатки / Но лучшие ближе – в ночь кустов / Где луначарская луна / плывет среди ветвей / И о любви поет / кровавый соловей* (С. Стратановский, П्लеханов-вальс).

В прилагательном **насекомый** актуализируется переносное значение производящего – ‘ничтожный, бездарный’: *Ты её как муху ловишь / Паутилась целый век / Темнотельши, темнолобыш / Насекомый человек* (С. Стратановский, Что же ты, головотелый).

Еще одна разновидность грамматических окказионализмов – **образование формы степеней сравнения** от относительных прилагательных, некоторых наречий и существительных.

Такие слова – в силу специфики семантики – не могут менять только грамматическое значение (проявление признака в большей степени или преобладание признака): на этом фоне происходит окачествование, т.е. употребление в образном значении: **леденее** ‘более ледяной (т.е. холодный), чем что-л.’: *Что нежнее за январским кружевом? / Сами обманулись поцелуи / Леденее осени простуженной / Холода насквозь сердца продули* (Б. Рейн, Что нежнее за январским кружевом?); **ночнее** ‘мрачнее’: *Я навещал*

вас ночью, в года, что нет **ночнее**. / Влекли неодолимо / тяжёлый подбородок, что схож с виолончелью, / и гневная Галина (А. Вознесенский, Рапсодия распада); **спектральной** ‘с более широкими взглядами’: Художник, будь **спектральной**, / Душой не индевей. / Чем индивидуальной, / тем ты общественной (А. Вознесенский, Цветная песенка).

Семантические трансформации проявляются, например, в динамическом изменении – постепенном увеличении признака: **каменистей** ‘когда встречается всё больше камней’: Пеклась о ней скалы дремучесть / все **каменистей**, вселесней. / Но я, любя ее и мучась, – / не королевич Елисей (Б. Ахмадулина, Так бел, что опалает веки...); **бесплотней** ‘о постепенно теряющем телесный облик’: Не видно ни застолий, ни объятий, / лишь изредка мелькают у окна / он (все унылее), она (чудаковатей), / он (тяжелей), (**бесплотнее**) она (Л. Лосев, Прозрачный дом); **деревянной** ‘когда стволы становятся всё более мощными, крупными’: Чем дальше в лес, тем больше лес / в своей фактуре **деревянной**. / А я скажу: чем ближе Центр, / тем наши помыслы – лубяней (А. Богатых, В подражание нынешним). В приведённых примерах видно, что семантика динамического изменения признака подкрепляется лексическим окружением: определительным местоимением *всё*, подчинительным союзом *чем... тем*.

Между исходной и производной формами часто устанавливаются смысловые связи на основе различных ассоциаций, вследствие этого в окказиональных формах степеней сравнения происходит значительная трансформация лексического значения,

Например, на основе периферийной семы ‘чистый’ прилагательного **хрустальный** в форме **хрустальнейший** развивается значение ‘чистейший’: В больнице режиссёр / чернеет с простыней. / Ладони распротёр. / Но тыщи раз стыдней, / что нам глядит в глаза, / как бы чужие мы, / стыдливая краса / **Хрустальнейшей** страны (А. Вознесенский, Нам, как аппендицит, поудалили стыд...). Значение формы **наихрустальнейший** ‘самый красивый’ базируется на другой (потенциальной) семе – ‘красивый’ исходной формы: Я не кощунствую – просто нет силы. / Жизнь заberi и успехи минутные, / **наихрустальнейший** голос в России – / мне ни к чему это! (А. Вознесенский, Оза). В прилагательном **зрительный** актуализируется сема ‘видеть’, которая становится основой значения ‘о том, что обладает лучшим зрением’: Когда крупница отраженья / внушит ребенку подозренья / о том, что **зрительнее** глаз, – / скорей, чем мы отдернем руку, / в малине увидав га-

дюку, / он от себя отдернет нас (О. Седакова, Кот, бабочка, свеча).

Сравнительная степень может образовываться от вторичного значения прилагательного, даже фразеологически связанного, как например, в слове **серебрянейший** ‘относящийся к Серебряному веку’: Приснись! Припомни, бога ради, / ту дрожь влюблённую в себе – / как проступает в Ленинграде / **серебрянейший** СПб (А. Вознесенский, Приснись! Припомни, бога ради...). Форма превосходной степени выражает, по сути, количественную семантику: именно в Санкт-Петербурге (названном серебрянейшим) было сосредоточие поэтов Серебряного века.

В приведённых выше примерах связь между формами достаточно прозрачная, а значение производного – прогнозируемо. Однако смысловая связь между производным и производящим может основываться на отдалённых ассоциациях, так как «поэтическая речь апеллирует в большей степени к чувствам, поэтому она субъективно-ассоциативна: читатель должен не столько понять, сколько прочувствовать и домыслить» [6, с.7]. Значение таких слов сформулировать практически невозможно, так как у каждого будет свой ассоциативный ряд: И больше нечего бояться / И быть **ослей** осла, козла **козлей**, / Слона **слоновой**, полосатей черта, / Бодрей блохи, **картонней** колпака. / И – счастье!.. быть собой!.. хотя бы мертвым... / Хотя бы после третьего звонка (Ю. Мориц, Паяц). В данном отрывке формы сравнительной степени, образованные от переносных значений существительных, по-видимому, выражают некие негативные качества, которые приписывают соответствующим предметам: *ослей* – значит глупей или упрямей, *козлей* – подлей, неприятней, *слоновой* – неповоротливей, неуклюжей, *картонней* – глупей (колпаком раньше называли глупого, недалёкого человека; ср.: *околпачить*).

Более яркий пример размытости значения находим в стихотворении Д. Бобышева «Жизнь урбанская»: Дом... Не даден **двубортнейшим** дядю, / а: недвижимо-собственный, свой. / Он и в Званку тебе, и в Аркадию / обращен и сюдой, и тудом. Прилагательное **двубортный** обозначает ‘с пуговицами и петлями на каждом борту’, причем пуговицы и петли на одном борту имеют функциональное значение (служат для застёгивания одежды), а на втором – декоративное. Подобное излишество как бы указывает на то, что обладатель двубортной одежды – человек состоятельный, значит **двубортнейший** – это богатый.

К грамматическим окказионализмам относятся также **краткие формы относительных**

прилагательных. Большая часть из них сохраняет семантику производящей формы, то есть окказиональность проявляется только на уровне грамматики: *квадратен* ‘квadrатной формы’: *И плыла я и пела: «Недаром / Шар земной называется шаром; / Оттого что земля не квадратна, / Я всегда приплываю обратно»* (Н. Матвеева, Песня в песне); *малопредсказуем* ‘такой, который трудно предсказать’: *А он давно уже умеет. / Подобно вольному стиху – / Могуч и малопредсказуем – / Летит он гордо наверху* (И. Иртеньев, Летающий орел); *неподцензурен* ‘не контролируемый цензурой’: *А мы неподцензурны, / По нам не плачут урны, / В возвышенных котурнах / Любому станет дурно, – / Ворочает что хочет / Раскованный пиит* (О. Арефьева, А мы неподцензурны); *чужестранен* ‘из другой страны, чужой’: *Что же отпечаталось в сознание? / Память пальцев и тоска другая, / Будто внял я неба содрогание / или горних ангелов полёт, / будто перестал быть чужестранен* (А. Вознесенский, Автолиграфия). Как видим, все они (как и узуальные формы) употребляются в предикативной функции, исключение составляет слово *стонуц* ‘выражающий стон’, выполняющее функцию обособленного определения: *Ну, как позабыть тебя, ангел-зверёный? / «А ты меня помнишь?» – / твой голос настаивал, стонуц и тонуц – / А ты меня помнишь? а ты меня помнишь?* (А. Вознесенский, А ты меня помнишь?) и др.

Отсутствие смысловых приращений в указанных примерах связано, видимо, с тем, что семантика полных прилагательных, от которых образованы окказиональные формы, в большей степени выражает качественное значение, то есть «точку зрения говорящего субъекта и его оценки» [7, с.189], а не отношения между двумя предметами.

Гораздо более интересны окказиональные формы, когда нарушение грамматики сопровождается семантическим сдвигом, причем он, на наш взгляд, обусловлен предикативной позицией, так как именно в ней происходит актуализация какого-либо смыслового компонента. Направление развития семантики в окказиональной форме зависит от поэтического замысла, требующего по-новому, неожиданно, но при этом предельно точно выразить авторский замысел.

Семантический сдвиг может быть незначительным, смысловая связь между значениями достаточно прозрачна, и ее установление не требует специального анализа. Например, прилагательное *крепостной* ‘принадлежащий помещику на основе права, действующего при таком общественном строе (о крестьянах, вы-

ходящих из крестьян)’, в семантической структуре которого содержится сема ‘несвобода’, употребляется в краткой форме в значении ‘не до конца свободный’: *Воли мне не хватало, воли. / Грех, что мы крепостны на треть. / Столько прошлых дров накололи – / Хорошо им в печали гореть!* (А. Вознесенский, Белоужская баллада).

Такая же прозрачная связь у значений слова *озонный* ‘относящийся к озону’. Озон, как известно, особая модификация кислорода, являющегося важной составляющей воздуха. В результате метонимического переноса (*озон* → *воздух*) краткая форма приобретает значение ‘наполненный пространством, воздухом’: *Мир, / сан-францисский храм, / чьи этажи, как вздох, / озонны и стройны, / вздохнут по мне разок, / как лёгкие страны.* (А. Вознесенский, Строки Роберту Лоуэллу).

Полные и краткие формы могут значительно расходиться в семантике, если смысловая связь между ними основывается на различного рода ассоциациях. Так, значение прилагательного *многокрылый* ‘имеющий много крыльев’ вполне прозрачно, поскольку мотивируется внутренней формой. Многокрылость «предполагает» большие возможности для полета, именно это стало основой значения краткой формы: *многокрыл* ‘обладающий силой взлететь’: *Было бы время / В том повиниться, / что натворила. / Было бы тело / Вольно как птица / и многокрыло.* (В. Юшманова, Было бы утро).

В слове *перегородчатый* ‘имеющий перегородки’ актуализируется потенциальная сема ‘скрывающий что-л.’, на её основе в краткой форме развивается значение ‘полный загадок, тайн, скрывающих сущность чего-л.’: *Как жизнь перегородчата, я понял, / когда уже спускался вниз в долину, / и, словно при ремонте капитальном, / вдруг падали фанерные заслонки, / и открывался план первоначальный, / по коему и строили квартиру. / И становилось все так очевидно...* (Е. Рейн, В последний раз).

Значение прилагательного *подвенечный* ‘надеваемый во время венчания’ обуславливает ограниченную сочетаемость: подвенечными могут быть названы, например, *наряд, платье*, которые традиционно бывают белыми, воздушными. Именно сема ‘воздушный’ становится базой для развития значения ‘воздушный, нереальный’: *Но сколько синей тишины / В тебе под вечер, / как нематериальны сны, / как подвенечны.* (А. Вознесенский, Уроки Польского).

Из семантической структуры прилагательного *фарфорный* ‘относящийся к фарфору, сделанный из фарфора’ (прилагательное отсутствует в словарях) извлекается периферийная

сема 'белый', которая становится основой значения 'заснеженное пространство': *Безмолвье тундровое фарфорно. / И слева вздрагивает бегом, / как сбоку / зеркальце / у шофёра, / овалный воздух над языком.* (А. Вознесенский, Олень по кличке Туманный Парень).

Прилагательные *фортепианный* 'относящийся к фортепиано, связанный с ним' и *пианинный* 'относящийся к пианино, связанный с ним' развивают метонимическое значение 'окрашенный в чёрно-белую полосу' (используются для описания зебры), переходя из родо-видовых отношений в синонимические: *Они чёрно-белы, они пограничны, / как первые фильмы, – они лаконичны. / Как фильмы, – наивны, немы и невинны, / они фортепяны, они пианины.* (М. Этельзон, Зебры).

Причина смысловых сдвигов в краткой форме обусловлена не только лексической семантикой, но и грамматической, так как относительные прилагательные «содержат указание не признака, а признаковой функции слова» [7, с. 186], а при образовании кратких форм развивается семантика качества, поскольку в предикативной позиции прилагательное обозначает признак, который сообщается предмету и – в приведённых примерах – содержит оценку.

Анализ грамматических окказионализмов в поэтической речи позволил обнаружить, что общие смысловые сдвиги во многом обусловлены грамматической семантикой (различия в степени проявления качества в формах степеней сравнения) или изменением синтаксической функции (в кратких прилагательных). Иными

словами, окказиональная форма закономерно приобретает новое значение. Однако в целом каких-либо общих лексико-семантических закономерностей нет: масса окказионализмов несёт на себе отпечаток индивидуальности автора.

Список литературы

1. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие. Калининград: Калинингр. ун-т., 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php (дата обращения: 12.09.2022).
2. Поэзия. Учебник / Составители: Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В., Плунгян В.А. и др. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
3. Петрова Н.Е. Межчастеречная ретранспозиция: лингвистическая база и речевые разновидности явления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 259–264.
4. Петрова Н.Е. Обратная переходность в области частей речи русского языка // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века, Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 117–125.
5. Петрова Н.Е. Десубстантивация существительных адъективного склонения // Преподаватель XXI век. 2009. № 1. Филологические науки. С. 337–345.
6. Козинец С.Б., Мигурский А.С. Словарь окказионализмов русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв. Саратов: Саратовский источник, 2020. 298 с.
7. Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 184–190.

GRAMMATIC OCCASIONALISMS IN RUSSIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

S.B. Kozinets

The article analyzes a special type of «language violations» – grammatical occasionalisms, which are widely used in poetic speech. Examples of rederivation (desubstantialization, deadverbialization), forms of degrees of comparison of adjectives and adverbs are especially considered. Lexico-semantic transformations in derived units are revealed. The analysis of the material showed that the general semantic shifts are largely due to grammatical semantics (differences in the degree of manifestation of quality in the forms of degrees of comparison) or a change in the syntactic function (in short adjectives), however, in general, there are no general lexico-semantic patterns: a lot of occasionalisms bear the imprint of the author's individuality.

Keywords: poetic speech, grammatical occasionalisms, semantic transformations.

References

1. Babenko N.G. Occasional in a literary text. Structural and semantic analysis: A textbook. Kaliningrad: Kaliningrad Institute, 1997. [electronic resource]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php (Date of access: 12.09.2022).
2. Poetry. Textbook / Compiled by: Azarova N.M., Korchagin K.M., Kuzmin D.V., Plungyan V.A. and others. M.: OGI, 2016. 886 p.

3. Petrova N.E. Interparticle retransposition: linguistic base and speech varieties of the phenomenon // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2009. № 2. P. 259–264.
4. Petrova N.E. Reverse transitivity in the field of parts of speech of the Russian language // Language and method: The Russian language in linguistic studies of the XXI century, Vol. 2: Linguistic analysis on the verge of methodological breakdown. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. P. 117–125.

5. Petrova N.E. Desubstantiation of adjectival declension nouns // *Teacher of the XXI century*. 2009. № 1. Philological Sciences. P. 337–345.

6. Kozinets S.B., Migursky A.S. Dictionary of Occasional Russian poetry of the second half of the XX –

early XXI centuries. Saratov: Saratov Source, 2020. 298 p.

7. Makarova E.A. Semantics of qualitative and relative adjectives in cognitive illumination // *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2011. № 2. P. 184–190.